

«Повесть о дупле» и «Повесть о Гэндзи» в контексте литературы эпохи Хэйан

Петренко Наталья Юрьевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Москва, Россия

E-mail: natashapetrenko@yandex.ru

Романы «Повесть о дупле» и «Повесть о Гэндзи» до определенной степени можно считать центральными произведениями в развитии литературы периода Хэйан. В.И.Сисаури отмечает: «Мир, изображенный в «Повести о дупле», — мужской мир, в противоположность женскому миру «Повести о Гэндзи» [2, с.22]. Роман «Повесть о дупле» относится к более раннему периоду, чем «Повесть о Гэндзи», о его авторе нам мало что известно, за исключением того предположительного факта, что его автором является мужчина, хотя В.Н.Горегляд отмечает, что авторство романа можно считать установленным, по всей видимости, роман принадлежит Минамото-но Ситаго [1, с.115]; тогда как авторство второго романа до определенной степени является доказанным, он написан Мурасаки Сикибу.

В романе «Повесть о дупле», как было сказано выше, в основном фигурируют мужские персонажи, они окружают более статичных женских персонажей. В «Повести о Гэндзи», напротив, главный мужской персонаж более статичен, тогда как женские персонажи, его окружающие, в достаточной степени динамичны. Это наблюдение подтверждает замечание Владислава Сисаури о том, что данные романы можно рассматривать как парные.

Однако, в противовес замечанию вышеупомянутого исследователя, который считает роман «Повесть о дупле» вершиной хэйанской прозы за счет создания психологических портретов, а «Повесть о Гэндзи» - до определенной степени, эпигонством, следует отметить, что «Повесть о дупле», при всех своих несомненных преимуществах, по-прежнему сильно наследует стилистике более ранних моногатари как в области действий персонажей и их появлений в романе, так в области развития сюжета. «Повесть о дупле» во многом оказывается более «сказочной» и в целом производит меньшее впечатление отражения общества, в котором она создавалась, нежели «Повесть о Гэндзи», которая позволяет увидеть придворный мир эпохи Хэйан и в целом более реалистична, если данное слово можно использовать применительно к средневековой литературе.

Общая структура «Повести о дупле» вызывает ощущение разрозненности, роман состоит из четырех довольно независимых друг от друга частей, которые не всегда являются сюжетным единством, тогда как внутри «Повести о Гэндзи» отчетливо выделяются две сюжетно связанные части, принадлежность которых одному автору оспаривается многими исследователями. Данная особенность второго романа делает его особенным не только в композиционном плане. Общий настрой второй части романа, при сохранении стилистики изображения персонажей, существенно отличается от первой; в десяти последних главах романа - так называемых «главах из Удзи» - автор романа отходит от фиксации деталей придворной жизни и фокусируется на поступках героев и их последствиях; таким образом, на передний план выходит религиозная концепция греха и воздаяния, которая отчасти имеет место и в первой половине романа, но особенное развитие получает во второй, что является еще одним аргументом в пользу единства авторства романа.

Таким образом, роман «Повесть о дупле» можно рассматривать как предтечу романа «Повесть о Гэндзи». Психологизм выведения его персонажей наглядно иллюстрирует общую тенденцию на увеличение точности портретных характеристик в раннесредневековой японской прозе. Разумеется, невозможно в данном случае называть «Повесть о Гэндзи» эпигонством, поскольку общий прогресс литературного развития, который демон-

стрирует роман, является несомненным, как в композиционном, так и в художественно-эстетическом плане.

Тем не менее, следует задаться вопросом, по какой причине именно «Повесть о Гэндзи», а не «Повесть о дупле», при всех ее заметных достоинствах, стала вершиной японской литературы этого периода и определила развитие литературы на много веков вперед. Исходя из сравнительного анализа двух романов, становится невозможным говорить о том, что только психологизм портретных характеристик стал тому причиной. Как было упомянуто выше, композиционное деление романа на две части показывает слом, который происходит в это время в сознании раннесредневековых (а по сути - древних) японцев и свидетелем и выразителем которого стала Мурасаки Сикибу. Японское общество переживает переход от древности к средневековью: первая часть романа в большей мере говорит нам о психологии древнего человека, которого интересует окружающий его мир и люди как его часть, тогда как вторая часть романа - это уже восприятие мира средневековым человеком, которого интересует то, что лежит за пределами человеческого существа, он более мистически религиозно углублен в себя. Именно это обстоятельство - то, что роман стоит на рубеже эпох, - определяет его центральное место не только в раннесредневековой литературе, но и в литературе Японии вообще.

Источники и литература

- 1) Горегляд В.Н. Японская литература VIII – XVI вв.: Начало и развитие традиций. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
- 2) Повесть о дупле (Уцухо-моноготари) : описание жизни бодхисаттвы : [в 2 ч. / под ред. В. Н. Горегляда ; пер. с яп. В. И. Сисаури]. СПб. : Петербургское Востоковедение ; М. : Наталис, 2004.

Слова благодарности

Выражаю слова глубокой благодарности Е.Ю.Бессоновой, С.А.Быковой, Л.В.Васильевой, Н.Д.Крнете, А.В.Кудряшовой, В.П.Мазурику, А.Р.Садоковой, Е.В.Струговой за высказанные ценные замечания.